

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимирской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I ЕЪ ГР. ВИТГЕНШТЕЙНУ.

15 декабря 1825 года.

Графъ Петръ Христіановичъ. Вамъ извѣстна непоколебимая воля Брата Моего Константина Павловича, исполния которую, Я вступилъ на Престоль съ пролитiemъ крови Моихъ подданыхъ; вы поймете, что во Мнѣ происходить должно и вѣрно будете жалѣть обо Мнѣ.

Что здѣсь было—есть тоже, что и у васъ готовилось, и что, надѣюсь, съ помощю Божиєю, вы вѣрно помѣшали выполнить. Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ извѣстій на счетъ того, что г. Чернышевъ вамъ сообщилъ; здѣсь открытія наши весьма важны и всѣ почти виновные въ моихъ рукахъ; все подтвердились по смыслу тѣхъ свѣденій, которыхъ Мы и отъ г. Дибича получили.

Я въ полной надеждѣ на Бога, что сіе зло истребится до своего основанія.

Гвардія себя показала, какъ достойно памяти ея покойнаго Благодѣтеля.

Теперь Богъ съ вами, любезный Графъ. Моя довѣренность и уваженіе вамъ давно извѣстны и Я ихъ отъ искренняго сердца здѣсь повторяю вамъ искренній Николай *).

С. П. Б. 15 декабря 1825 года.

*.) Какъ письмо, такъ и надпись на конвертѣ, въ которомъ оно вложено, писаны рукою императора Николая Павловича. Графъ Витгенштейнъ, во время отправленія къ нему этого документа, былъ главнокомандующимъ 2-ю арміею; въ штабѣ ея находилось много лицъ стоявшихъ во главѣ южнаго тайного общества.

Письмо было отправлено по адресу съ генераль-лейтенантомъ Корниловымъ. Особый случай доставилъ мнѣ возможность снять копію съ этого документа, оригинала которого, вмѣстѣ съ другими драгоценными бумагами, находится въ маиоратскомъ имѣніи Витгенштейновъ — имѣніи Дружно-селье. Въ 1843 г. я былъ посланъ въ Каменку (имѣніе князя Витгенштейна въ Подольской губ.), для устройства встрѣчи и похоронъ умершаго во Львовѣ князя. Супруга покойнаго князя Антуанетта Станиславовна поручила мнѣ разобрать архивъ князя и дозволила снять копію съ напечатаннаго здѣсь письма Николая I.

II. С. Лебедевъ.

ПИСЬМО В. Н. КАРАЗИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I *).

18 сентября 1826 года.

Государь! Истинному добру свойственно дѣлаться всегда медленно. Всемилостивѣшее дозволеніе в. и. в., послѣдовавшее, вѣроятно, въ іюль мѣсяцѣ еще, достигло до меня 25 августа. И съ тѣхъ поръ третій уже разъ принимаюсь за сіе письмо. Первые два не дошли до почтовой конторы, и уничтожены бѣднымъ моимъ, напуганнымъ несчастіями семействомъ. Тщетно просивъ отъ

*) Сообщено Ф. В. Каразинымъ при слѣдующихъ строкахъ: «Исполняя желаніе редакціи «Русской Старины» помѣщать на ея страницахъ хранящіяся у меня бумаги моего отца, изъ которыхъ одна (о Полынѣ) и напечатана уже въ Х-й книжѣ изд. 1870 года, посыпало любопытное его къ имп. Николаю Павловичу письмо со всѣми къ нему приложеніями, заключающее въ себѣ весь политическій его катихизисъ. Причемъ не лишнимъ считаю пояснить, по какому поводу оно послѣдовало. Въ 1820-мъ году отецъ мой, пользуясь однажды навсегда данными ему императоромъ Александромъ I Павловичемъ, въ первые годы его царствованія, позволеніемъ безпосредственной съ нимъ переписки, обращая внимание его величества на нѣкоторыя, существовавшія въ то время, общества, которыя, подъ разными благовидными наименованіями, скрывали иную цѣль, и предлагали учредить, для противодѣйствія имъ, особое общество, которое бы, занимаясь собственно улучшеніемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ, распространяло между ними здравыя понятія о государственномъ благоустройствѣ, согласно съ начальами монархическаго правленія, опирающагося на общественное мнѣніе. Предостереженія эти имѣли весьма печальная для отца моего послѣдствія: онъ былъ заключенъ въ Шлюссельбургскую крѣпость и потомъ сосланъ на житѣе въ деревню, съ запрещеніемъ выѣзжать изъ нея куда бы то ни было и писать къ кому бы то ни было иначе, какъ чрезъ посредство мѣстнаго губернатора; что и продолжалось до воспоминія на престол императора Николая Павловича, когда, по случаю требовавшейся отъ всѣхъ подписки о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, ему разрѣшено было объяснять, въ особомъ всеподданнѣйшемъ письмѣ, несчастную его исторію по поводу этихъ обществъ. Письмо это и есть то, которое теперь вамъ посыпало; надѣясь видѣть его въ печати чрезъ посредство прекраснаго вашего, м. гг., изданія, имѣющаго цѣлую сохранить отъ тѣхъ исторические документы минувшаго времени. Въ вѣрности коимъ съ оригиналомъ, который долженъ храниться гдѣ-нибудь въ административныхъ архивахъ, нельзя сомнѣваться по разнымъ собственноручнымъ его, В. Н. Каразина, на ней добавленіямъ и между прочимъ по надписи, которую вы изволите прочесть: «Былъ, хотя и незрѣтная, XIX вѣка (1820—1830). Съ 1 апреля 1801 года пользовался я счастіемъ безпосредственного сношенія съ государемъ императоромъ Александромъ». Изглѣстный вамъ, не совсѣмъ обыкновенный его почеркъ поддѣлать трудно. Къ сожалѣнію, иѣкоторыя места съ пропусками; но это не измѣняетъ смысла въ цѣломъ. Послѣдствіемъ этого письма было разрѣшеніе выѣзжать изъ деревни, безъ дозволенія, однакожъ, вѣзда въ С.-Петербургъ, что и продолжалось до его кончины.

Ф. Каразинъ.

управляющаго губерніею, чтобы онъ даль мнѣ какой-нибудь спо-
собъ изготовить и отправить безъ помѣхи мой конвертъ, я опять
принимаюсь писать, также въ тайнѣ, также прерываемый сле-
зами, близкими моему сердцу... Надѣюсь, что такое вступленіе
нечуждо будетъ и вашему, великий государь! вы человѣкъ и суп-
ругъ!.. Вы человѣкъ! это доказалъ болѣе всего прекрасный мани-
фестъ вашъ отъ 13-го іюля. Слѣдовательно я стану продолжать
писать, хотя дрожащею рукою, и исполненный глубочайшаго,
должнаго благоговѣнія, но съ тою же самою свободою, кото-
рая одушевляла мои бумаги въ продолженіи двадцати лѣтъ,
писанныя къ моему незабвенному благодетелю блаженной па-
мяти августѣйшему брату вашему, государь! За первыя, когда
изящное сердце его величіемъ сана и непрерывнымъ счастіемъ
не было еще заграждено отъ смѣлой истины, онъ удостоилъ
меня въ кабинетѣ своемъ заключить съ чувствомъ въ свои обѣ-
тія. Слѣдствіемъ послѣднихъ была Шлиссельбургская темница,
въ которую заключили уже не юношу одинокого и бодраго въ
силахъ, но пятидесятилѣтняго отца многочисленнаго семейства....
въ девятнадцатомъ вѣкѣ!! Прости меня государь всемилостивѣй-
шій! Это не укоризна памяти несравненнаго, ниже жалоба, но
повѣсть. Тѣмъ неменѣе обожаю я его и донынѣ. Никто не от-
дастъ ему болѣе справедливости предъ потомствомъ. Никто усерд-
нѣе семьи моей не молился о упокоеніи съ ангелами человѣко-
любивой души его.

Но время монарха Россіи драгоцѣнно. Я долженъ спѣшить
занять ваше императорское величество предметомъ, по поводу
котораго я имѣлъ счастіе получить сіе дозвolenіе, не имѣвъ
къ тому ни малѣйшей надежды.

Нигогда не принадлежалъ я ни къ одному изъ тайныхъ об-
ществъ, хотя многократно былъ въ оныхъ приглашаемъ.... и въ
послѣдній разъ съ необыкновеннымъ настояніемъ до того, что
общали мнѣ дать немедленно высшую степень и предварительно
сообщили мнѣ списокъ масоновъ находящихся въ Россіи и въ цар-
ствѣ польскомъ. Такая откровенность, мое всегдашнее преду-
бѣженіе противу всѣхъ сихъ обществъ, и размышенія зани-
мавшія меня съ 1817 года еще, о таинственномъ сомнительномъ
положеніи нашего государства (что и выразилъ я тогда въ
письмѣ моемъ отъ 30-го января къ государю, по случаю

обращенія вниманія его на харьковскій университетъ): начинецъ неувѣренность о томъ, удастся ли мнѣ еще когда послѣ сего пріѣхать въ С.-Петербургъ, заставили меня открыться управляющему тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о сихъ обществахъ, съ полной рѣшимостію доброго сына отечества. Къ счастію, гр. Вик. Павл. (Кочубей), издавна бывши ко мнѣ благорасположенъ, нерѣдко, безъ всякихъ чиновъ, допускалъ меня къ себѣ и уже слышалъ отъ меня нѣчто по сему и подобнымъ предметамъ. Я сообщилъ ему мои мысли, что на подобныя общества должно бы имѣть недреманное око, тѣмъ болѣе, что именно ихъ умноженіе предшествовало во Франціи государственному бѣдствію, равно какъ магнетизмъ, мистицизмъ и тому подобныя чудеса, какъ бы нарочно изобрѣтаемы, дабы отвести вниманіе публики, а слѣдовательно и правительства,— что къ самому библейскому сословію, по сей причинѣ и зная коротко людей, я не имѣю ни требуемаго благоговѣнія, ниже довѣренности (и не состою членомъ онаго)— что нѣкоторыя, изъ учености или благотворенія составляющія свою цѣль, могутъ имѣть сокровенно другую, служа предуготовленіемъ и непримѣтнымъ испытаніемъ;— что даже въ частныхъ бесѣдахъ обѣихъ столицъ, я, какъ наблюдатель пріѣхавшій изъ губерніи, который тѣмъ удобнѣе замѣчаетъ, мнилъ усматривать особливое нѣкое направлѣніе умовъ, совсѣмъ подобное тому, каковое замѣчиали во Франціи до наступленія переворота (и на которое, увы! также какъ и я, всемилостивѣйшій государь! тщетно, или и съ гибелю себѣ обращали вниманіе особы правительствующіихъ).... Но обвинить я никого не могъ по совѣсти: съ одной стороны, гнушаясь не безъ причины мерзкаго во всѣхъ народахъ и временахъ имени доносчика, съ другой, не имѣя достовѣрныхъ доказательствъ. Я видѣлъ только, какъ бы сквозь мглу и облакъ, нѣчто пріуготовляющееся ко вреду государства. Привычка наблюдать общественное мнѣніе руководила мною въ семъ случаѣ (подобно какъ нѣкоторые люди почти по инстинкту привыкли предсказывать перемѣну погоды,— и не ошибаются!). Слѣдовательно, когда графъ, забывшись на минуту, потребовалъ тономъ ministra, чтобы я доставилъ ему въ подтвержденіе какія либо бумаги, или карикатуры и стихи (ибо о нихъ также была рѣчь), то я съ негодованіемъ отвѣчалъ, что я

не привыкъ никого подвергать нѣсчастію. Симъ, помнится, разговоръ и кончился. Или, можетъ быть, тогда же, если еще не прежде, я проложилъ предъ нимъ первоначальная черты общества, подчиненного ему какъ министру въ лицѣ предсѣдателя онаго, которое бы сверхъ публичнаго своего назначенія улучшивать участъ поселянъ, подвластныхъ дворянству, имѣло нечувствительный присмотръ за всѣми другими, такъ-называемыми вольными, явными и тайными обществами. Въ бумагахъ моихъ, которыя (какъ графъ мнѣ изъяснился въ свое время) отъ него всѣ были переданы блаженной памяти государю императору, долженъ находиться писанный мною и послѣ еще поправленный планъ сего общества. И мнѣ уже посчастливилось пригласить въ оное нѣсколько известныхъ государю особъ (ибо изъ такихъ должно было состоять его средоточіе) въ слѣдующемъ порядке:..... Но все сіе произошло уже послѣ..... Что же управлявшій министръ внутреннихъ дѣлъ (гр. Кочубей) не уважилъ моихъ заключеній и подозрѣній, не вмѣняю ему въ вину. Можетъ статься я и слишкомъ далеко съ ними зашелъ, изъяснившись, что я статья-секретаря гр. Каппо-д'Истрія считаю агентомъ отъ чужестранныхъ тайныхъ обществъ, и что многія происшествія и государственный у насъ учрежденія разумѣю внущенными нарочно, чтобы сдѣлать разстройку, поссорить государя съ подданными. Но не вина графа Виктора Павловича, тѣмъ не менѣе примѣтивъ его холодность, я почель долгомъ дѣйствовать по другому направлению. Во-первыхъ, чтобы рѣшительно успокоить себя въ совѣсти, я вручилъ ему, 31-го марта, бумагу, представлявшую еще нѣкоторыя рѣзкія черты того же содержанія. Въ ней коснулся я между прочимъ и до военныхъ поселеній, любимаго государева предмета, въ чаиніи, что это непремѣнно заставитъ графа доставить сю бумагу, а слѣдовательно и разговоръ нашъ до высо-чайшаго свѣдѣнія, хотя бы то и со вредомъ мнѣ, дабы отъ меня отвязаться. (Но я ошибся: графъ продолжалъ принимать это за сумасбродство. И было бы таковымъ, еслибы происшествія 14-го декабря не доказали противное!) Между тѣмъ подносимое у сего мое разсужденіе объ ученыхъ обществахъ и periodическихъ сочиненіяхъ въ Россіи, въ которомъ я искалъ, сколько пристойность и цензура могли позволить, обратить вниманіе благомыслящихъ на небывалое у насъ республиканское

оныхъ направлениe, озлобивъ на меня.... съ другой стороны дало поводъ осуществленію вышеупомянутаго общества, которое должноствовало.... противу положиться. Я возобновилъ мое исканіе быть употребленнымъ по статистикѣ, дабы принеса государю и государству нѣкоторую услугу по сей, весьма посредственно еще у насъ обработанной части, вмѣстѣ съ тѣмъ получить право на обширныя сношенія и слѣдовательно на способы повѣрить мои подозрѣнія, кои разумѣль я столько дѣльными, сколько онѣ министру мечтательными казались. У графа же М. С. (Воронцова) настаивалъ, чтобы объяснился съ управляющимъ министерствомъ в. д. о нашемъ предположенномъ обществѣ. Но какъ сей послѣдній отозвался отрицательно, первый же, совмѣстно съ кн. Меншиковымъ не нашли иного средства довести о семъ къ свѣдѣнію государя, какъ употребить иностранца итальяногрека, не имѣющаго въ Россіи ни собственности, ни родства, ни почему непричастнаго къ ея славѣ, непривязаннаго къ службѣ ея ничѣмъ, кроме денегъ, т. е. того же Каппо-д'Истрія, которому я не довѣрялъ, то я, гонимый мыслями и природною пылкостію, рѣшился лучше все испортить, и себѣ невозвратную сдѣлать бѣду, или довести безпосредственно мои заключенія до его величества. Таковая идея утвердилась во мнѣ особливо по полученіи нечаянной высочайшей милости: именно прощенія долга тестя моего, по одному моему прошенію, безъ малѣйшаго промедленія и справокъ. Сей счастливый случай могъ родить во мнѣ надежду на самое возвращеніе прежнихъ милостей августейшаго моего благодворителя. Я имѣ воспользовался. Извивая всю мою благодарность въ письмѣ отъ 21-го апрѣля, открылъ я мои мысли о странномъ направлениi умовъ, ссылаясь на то, что отъ меня было уже представлено графу Вик. Пав. Онъ же получилъ высочайшее порученіе разспросить меня подробнѣе. Подношу у сего выписку изъ первого моего отвѣта, за коимъ слѣдовали другіе, также безискусственно. Я столько былъ увѣренъ въ милостивомъ во мнѣ вниманіи государя, до того простираль дѣтство, что предъ отѣздомъ его величества въ южныя губерніи, осмѣлился просить взять меня съ собою въ должность письмоводителя, такъ какъ не былъ назначенъ никто изъ статсъ-секретарей въ сей путь. Государь выѣхалъ за границу. Случилось, какъ бы въ подтвержденіе моихъ догадокъ,

неповиновение Семеновского полка.... Тогда, возмущенный духомъ, поступившій уже и прежде въ моей откровенности столь далеко (за черту позволенного въ самодержавныхъ *) правленіяхъ), я рѣшился сообщить всѣ мои мысли о происшедшемъ и ожидаю, почтая за тяжкій предъ Богомъ грѣхъ, въ толь важномъ случаѣ, останавливаться какою либо дворцовою пристойностю. Не о себѣ и о своихъ я помышлялъ; но о томъ только, какъ бы мѣтче, всѣмъ существомъ моимъ, хотя бы оно въ дребезги разбилось, ударить въ сердце государево. Три записки, одна за другою, были мною поданы графу для отправленія: безпорядочныя конечно, не черни писанныя, но душа моя въ нихъ изливалась. Онъ окроплены не разъ были моими слезами. Первая уже погубила меня прежде нежели успѣли дойти двѣ послѣднія. Съ истиннымъ вѣрноподданническимъ чувствомъ подношу у сего ихъ списки—изъ того, который былъ у меня сдѣланъ немедленно по мѣрѣ какъ я писалъ, и который я отдалъ на сохраненіе въ чужомъ домѣ подъ печатью, на тотъ конецъ, чтобы по смерти моей дѣти мои меня оправдали, избавляя память мою отъ поношеннія преступникомъ сумасбродомъ или злодѣемъ (!!).

Государь правосуднѣйшій! Отъ васъ зависитъ повелѣть сличить списки съ подлинниками, дабы увѣриться, что я не утаиваю и не перемѣняю ни единаго слова. Государь XIX-го вѣка! Отъ васъ зависитъ помиловать—не меня уже, пораженнаго въ тѣлѣ и въ духѣ моимъ несчастiemъ, но мое бѣдное, безвинное, слѣдствіе моей малозаслуженной казни (ибо это казнь!) въ нищету пришедшее, посрамленное мое семейство!...

Я хотѣлъ всеусильно, и сколько отъ ничтожнаго, частнаго человѣка могло зависѣть, предупредить—не только казавшуюся мнѣ близкою тогда, но и всѣ возможныя впослѣдствіи времени революціи, обративъ вниманіе государя не-деспота, на противурѣчія между разливающимся чрезъ всѣ сословія въ народѣ просвѣщеніемъ и формами правленія, которая могли быть при-

*) Синонимы самовластныхъ (перестанемъ себя обманывать словами!) Но въ монархическихъ, всякий отзывъ къ монарху своему, а тѣмъ паче дворянина позволенъ, лишь бы не публично. Это почтительная, тайная бесѣда добрая сына. Излишество или нѣразуміе въ ней называется—однимъ неуваженіемъ,— и только.

личны прошедшими лишь вѣкамъ: противурѣчія, кои необходимо, по общимъ законамъ морального міра, производить и всегда будуть производить одно дѣйствіе. Ничто не поможетъ, нѣть никакого средства; не достанетъ никакой человѣческой силы остановить колесо, или дать ему противное движеніе. Словами Екатерины II, коими начала она первую главу своего наказа, словами: «Россія есть Европейская держава», — все рѣшено!... Не должно было сближать нась съ Европою, начиная отъ XVI-го вѣка еще, если самодержецъ пребыть хочетъ выше общественнаго мнѣнія и законовъ, если онъ караетъ за самыя вѣрноподданическія о томъ, подъ печатью тайны, сыновнія представленія. Развратъ и довременное лицемѣріе высшихъ и низшихъ есть все, что можетъ быть выиграно при самомъ щедромъ изліяніи милостей, при самыхъ мудрѣйшихъ, благонамѣреннѣйшихъ предписаніяхъ *). Преумножая и распространяя до Камчатки и Американскихъ береговъ пороки рабовъ просвѣщенныхъ, пороки Рима и Франціи, мы не можемъ уже имѣть добродѣтелей свойственныхъ рабамъ прежнихъ вѣковъ. Новое воспитаніе? О! Государь.... Медлительно дѣйствуютъ училища. И изъ чего составятъ ихъ курсы и библіотеки? Почти всѣхъ древнихъ авторовъ должно будетъ удалить, лишиться изъ новыхъ не только Монтескіе и Бентама, но самаго Юстія, уже въ 1770-мъ году у насъ въ Россіи напечатанного на природномъ языкѣ, какъ и первые. Оставить совсѣмъ преподаваніе о другихъ образахъ правленія, дабы избѣжать самыхъ естественнѣйшихъ вопросовъ: почему же у насъ иначе, и пр.? Гдѣ, кромѣ Карамзина, возмемъ и историковъ, которые бы одобрили самовластіе? Изъ поэтовъ надобно будетъ перепечатать съ большими пропусками, не только знаменитѣйшихъ, каковъ напр. Шиллеръ, иностранныхъ, но и своихъ, какъ-то: Державина, Княжнина. Всѣ человѣческія познанія составляютъ теперь не-прерывную цѣнь, въ которой лишеніе одного звѣна будетъ нестерпимо... Но я употребляю во зло, можетъ быть, столь милостиво дарованное мнѣ позволеніе? Для того, можетъ быть, пишу, чтобы увеличить еще вину мою, представить ее во всей ея наготѣ?

*) Простите мнѣ, государь, мое, по поводу и въ доказательство сего, доказеніе, на особомъ листочкѣ, подъ литерою Е., по неподѣлимому влечению сердца, преданного славѣ вашей и отечеству!

В. Каразинъ.

Такъ! вотъ она! послѣдствія ея предсказаны мной публично въ 1818 году въ рѣчи, у сего подносимой въ жалкому, невольническому моему состоянію соотвѣтствующемъ экземпляре. Другой вины за собой не знаю. Я долженъ бы быть признаться въ ней, тѣлья въ мрачной и сырой казематѣ шесть зимнихъ мѣсяцевъ, бывши убиваемъ на перекладныхъ телѣгахъ полторы тысячи верстъ, и здѣсь истаевая отъ унынія среди укоряющихъ меня жены и дѣтей.

Государь! вы не Тиверій, я не Овидій. Вы возвратите меня обществу (которое я ничѣмъ не оскорбилъ) по кончинѣ Августа-Траяна моего *)!... Вы не повторите сего примѣра, единственного въ продолженіи восемнадцати столѣтій. Вы не захотите меня, безгрѣшнаго предъ законами отечества и цѣлаго міра, неосужденнаго никакимъ судьею, необвиненнаго ни публично, ниже приватно, сравнять съ преступниками, коихъ Верховное судилище приговорило къ тому же наказанію, т. е. къ заключенію по жизни. Недоумѣваю о причинахъ немилости вашего величества, столь непреклонно изъявленной въ письмѣ дежурнаго генерала отъ 4-го августа (т. е. случайно въ самый день объявленія министерскаго о всемилостивѣшемъ дозволеніи на настоящее письмо)! Я долженъ быть очерненъ какою нибудь безчеловѣчною выпискою изъ моего дѣла на вашъ обо мнѣ запросъ. Самъ онъ, незабвенный усопшій, скжалился бы надъ несчастнымъ семействомъ напослѣдовъ, особливо еслибъ достигло къ нему въ Таганрогъ письмо мое, въ опасной болѣзни мною заготовленное, гдѣ я прощался съ нимъ до вѣчности, гдѣ я, какъ бы предчувствуя его лишеніе, напоминаль ему, что оба мы будемъ двѣ одинакія горсти праха. Оно хранится у одного изъ именитѣшихъ начальниковъ губерній не для нынѣшняго времени; но можетъ быть вамъ представлено въ число доводовъ моей невинности. Другое, столько же откровенное, которое бѣдная жена имѣла дерзновеніе адресовать въ прошедшемъ юнѣ мѣсяцѣ къ августѣшней супругѣ вашей, безъ сомнѣнія дошло уже до вашихъ рукъ, вслѣдствіе отзыва ея къ дежурному генералу главнаго штаба.

Государь, котораго, при самомъ вступлении на трудное по-

*) Почему Августа-Траяна, беру я дерзновеніе ниже изѣяснить. В. К.

прище, мудрость Промыслія въ лицѣ несчастій со всѣхъ сто-
ронъ осѣнила! Сердце мое вѣщаетъ мнѣ, что ты болѣе сдѣла-
ешь, нежели чтобы только простить насть!—И я кладу перо,
мысленно поклонившись предъ тобою, не какъ узникъ, не какъ и
рабъ (тебѣ конечно суждено совершилъ начатое Екатериной!..):
но какъ благоговѣющій вѣрноподданній Василій Каразинъ.

PS. Въ случаѣ неожиданнаго для меня продолженія мо-
его заключенія, пользуясь еще драгоценнымъ, мнѣ на сей разъ
даннымъ правомъ, чтобы привести всеподданнѣйшія мои про-
шенія: 1) о разрѣшеніи вакансіи императорскимъ величествомъ
участи моей по званію правителя дѣлъ филотехническаго обще-
ства, которое я до нынѣ несу. Мною о семъ представлено ми-
нистру просвѣщенія отъ 21 июля сего года, вслѣдствіе дѣлан-
наго мнѣ неоднократно запроса. 2) О позволеніи препрово-
дить въ свое время рукопись актовъ сего общества и дру-
гія мои рукописи на высочайшее имя ваше, государь! для по-
ступленія съ ними какъ указать изволите. 3) О возвращеніи
мнѣ остатка невинныхъ моихъ бумагъ (помнится семнадцати
тетрадей дневной моей записи, содержащей болѣе чи-
сткію мои химические опыты и другія ученыя замѣчанія по за-
нятіямъ моимъ, какъ правителя дѣлъ упомянутаго общества и
члена другихъ подобныхъ); также и дражайшихъ для меня по
смерть памятниковъ: рескриптовъ блаженной памяти государя,
если они, бывъ ему доставлены, не преданы уничтоженію. Ихъ
было четыре. Одного изъ нихъ, писаннаго 12-го декабря 1801 г.,
совершенно достаточно было бы нынѣ для моего оправданія,
какъ сіе выразила и жена моя въ письмѣ своемъ къ государынѣ
императрицѣ. Прекрасное это, юношеское тогда сердце,
нашло удовольствіе въ заочной бесѣдѣ со мною, не взирая на
торжественный день! И письмо на трехъ страницахъ имѣлъ я
счастіе получить въ Москвѣ, дѣйствуя тамъ, незнаемо, по его
высочайшему человѣколюбивому порученію.

— «Кого изъ Кесарей, дворянство! въ древней тогѣ
«Ты образъ вознесло забавъ твоихъ въ чертогѣ?»
— «Се Августъ счастіемъ, побѣдами Траянъ,
«А сердцемъ Титъ»—отвѣтъ раздался Россіянъ.

Impromptu, который я сдѣлалъ, отъ роду не занимав-
шись стихами, увидѣвъ въ залѣ благороднаго собранія въ Мо-

съвѣтъ, и въ 1814-мъ году, превосходный бюстъ государя въ римскомъ костюмѣ. И сія надпись, бывъ директорами вырезана, долго подъ онымъ оставалась. Впрочемъ, я часто въ бумагахъ моихъ называлъ Траяномъ блаженной памяти государя, по нѣкоторому историческому сходству.

„Еще бы сіе великое было несчастіе въ государствѣ, если бы кто не смѣлъ представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключѣніи, ни извинять своихъ худыхъ успѣховъ отъ упорства счастія прошедшихъ, ниже свободно говорить своего мнѣнія“.

Наказъ Екатерины II. Статья 517.

Во французскомъ, которое есть оригиналъ, еще яснѣе.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ПИСЬМУ В. Н. КАРАЗИНА.

1) Письмо къ императору Александру Павловичу отъ 21 апрѣля 1820 года. Всемилостивѣйший государь! Не угодно было вамъ видѣть слезы моей благодарности *)!... Но я утѣшился тѣмъ, что проливалъ ихъ въ церкви, испрашивая вамъ и державѣ вашей тысячу благословеній. Государь! Примите хотя письмо сіе, сіе тайное свидѣтельство моихъ къ вамъ чувствованій, сей послѣдній отзывъ вѣрнаго подданнаго, который въ счастіи и бѣдствіи равно будетъ вамъ преданъ до гроба; но отъ нынѣ совершенно замолчить, вступая въ рядъ прочихъ сорока, или пятидесяти миллионовъ.

Другой, пользуясь благопріятнымъ съ нимъ случаемъ, почель бы его началомъ возвращенія вашихъ милостей и искалъ бы утвердить ихъ: а я?... я какъ будто бы ишу всѣми силами подвигнуть на гнѣвъ в. и. в. Но такъ велитъ мнѣ чистая моя совѣсть; и счеты любви къ самому себѣ не входили въ мое соображеніе.

*) Тестъ Вас. Наз., инженеръ-генераль-майоръ Егоръ Ив. Бланкеннахель, получилъ отъ казны заемообразно 50-т. р. асс. на устройство первого въ Россіи свеклосахарного завода, который и былъ имъ устроенъ въ деревнѣ его «Алябьевъ» (Тульской губ.), шель очень хорошо и приносилъ доходы, изъ которыхъ Е. И. и уплачивалъ понемногу казенный долгъ. Но настала война 12-го года, склады его сахара, патоки и рому сгорѣли въ Москвѣ, онъ самъ умеръ. Вас. Наз. не былъ въ состояніи, по разстройству собственныхъ своихъ дѣлъ, выплачивать долгъ тестя и просилъ государя о сложеніи. Государь разрѣшилъ. В. Н. пошелъ во дворецъ благодарить, но не бытъ принять. Ф. К.

Государь! Благодѣтель мой, моего семейства!... писавъ къ тебѣ въ послѣдній разъ, я приму тяжкій твой гнѣвъ съ тѣмъ самымъ чувствомъ, съ какимъ принялъ бы за тебя ударъ смертный: т. е. безъ ропота.

Я ничего особливаго писать не буду: но попрошу только, потребуйте, вс. г., у графа Виктора Павловича бумагу въ нѣсколько листовъ, писанную мной для него 31 марта, по поводу одного съ нимъ разговора, и еще письмо у дѣйств. тайного соѣтника князя Вяземскаго, писанное къ нему изъ Масальской его деревни купцомъ Роговымъ отъ 1 апрѣля, которое онъ мнѣ читалъ на сихъ дняхъ *). Нельзя было безъ ужаса встрѣтить столь рѣшительнаго сходства мыслей человѣка, столь удаленнаго отъ меня по всѣмъ отношеніямъ, съ моими и со всѣмъ тѣмъ, что занимаетъ мою душу постоянно съ 1817 года, когда я имѣлъ дерзновеніе открыть сіе въ письмѣ моемъ изъ Украины вашему величеству. Нельзя было не привести себѣ на память, что точно такъ изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отолоски благонамѣренныхъ предъ наступленіемъ гибельнаго переворота и что точно такъ были пренебрегаемы! «Il est singulier que dans ce siÃcle de lumiÃres, les souverains ne voient venir l'orage, que quand il Ã©clate»—сказалъ Наполеонъ Лась-Казасу на островѣ св. Елены (р. 93 § CCCLXVII). Столь чудное согласіе различныхъ умовъ, неимѣющихъ между собою ничего общаго, заслуживаетъ вниманіе и должно въ себѣ заключать нѣчто справедливое: тѣмъ больше, что подобныя чувствованія открываются въ бесѣдахъ частныхъ обѣихъ столицъ съ нѣкотораго времени. Довольно, если половина, если нѣкоторая доля есть тутъ основательнаго! Государь! единственная наша надежда!... Не мнѣ, ничтожному человѣку, принадлежитъ просвѣщать васъ! Но какъ добрый гражданинъ, какъ одинъ изъ дѣтей вашихъ, я прошу васъ не оставьте это безъ вниманія: не оставьте и въ такомъ случаѣ, когда почтете меня виновнымъ. О! въ семь случаѣ, примите жертву мою собою, государь! данью благодарности, которую одною могу я, какъ мнѣ кажется, сколько-нибудь воздать за послѣднюю милость вашу. Пріимите вмѣстѣ

*.) Ближе всего отъ него непосредственно потребовать сіе письмо. Н. Г. Вяземскій живетъ за Аничковымъ мостомъ въ домѣ подъ № 158.

В. Е.

клятву, что никакое намѣреніе, кромѣ чистѣйшаго желанія добра вамъ и отечеству, не движетъ мною въ настоящее время. Да лишить меня Всевидящій Верховный Судія всѣхъ временныхъ и вѣчныхъ благъ, да прольеть на меня немедленно всю чашу ярости своей, если подлая какая хитрость, если, напримѣръ, покушеніе повредить кому бы то ни было, входитъ въ мысль мою!

Здѣсь, внѣ жилища моего, скрывая это письмо отъ бѣдной жены моей, которую послѣ радости неожиданной, я подвергаю, можетъ быть, неожидаемой ею величайшей непріятности, здѣсь въ уединенномъ углу, я простираюсь предъ Богомъ и вами государь! Мысленно покрываю ваши руки моими лобызаніями и слезами... Прощайте государы...

В. импер. в. вѣрный, вѣчно обожающій вѣсть подданный В. К.

2) Прибавленіе на слѣдующій день. Всемилостивѣйшій государь! Пользуясь теперь, на сорокъ восьмомъ году моей жизни, въ послѣдній разъ правомъ, которое ваше величество нѣкогда мнѣ дали говорить и писать вамъ съ безпредѣльною откровенностью (и которое я почитаю неотмѣненнымъ): ибо къ малому числу коренныхъ нашихъ законовъ, если они есть, долженъ принадлежать тотъ, что всякое изъявленіе державной воли по степенямъ, отмѣняется только равнымъ ему, или высшей степени, а не низшей!), я долгомъ поставляю прибавить къ моему вѣрноподданническому письму еще слѣдующее:

a) Я никогда не употребилъ во зло сего драгоценнаго права себѣ въ пользу: ни на безчестную клевету, ни на недостойное испрошеніе милостей.

b) Я никогда не дѣлалъ изъ него предмета какого-либо чванства. Нечаянныя случаи сдѣлали известными нѣкоторыя мои бумаги, но только малому числу ближайшихъ ко мнѣ людей, изъ коихъ двухъ нѣть уже и на свѣтѣ: но большая часть, подобно какъ и сіи послѣднія, остались и останутся, пока я живъ тайною, открытою только для всевидящаго ока.

c) Я писалъ не по видамъ личнымъ, но по внутреннему убѣжденію и съ глубокою увѣренностью, что я бы былъ бы извергомъ предъ вами и отечествомъ, еслибы сего не сдѣлалъ. Богъ, мой судія, да будетъ моимъ свидѣтелемъ!

d) Я никогда не воображалъ себя достойнымъ занять какое-либо изъ важныхъ государственныхъ мѣстъ. Честолюбивая эта

мысль, не видала на милости ваши, не входила еще въ мою голову. Но, признаюсь въ томъ чистосердечно, быть человѣкомъ къ вамъ близкимъ, вамъ такъ-сказать исключительно принадлежащимъ, было единственнымъ и первѣйшимъ моимъ желаніемъ. Званіе вашего личнаго секретаря, вашего камеръ-библиотекаря, нѣчто подобное, носилось въ моемъ воображеніи... О почечительствѣ харьковскаго учебнаго округа я сталъ мечтать не прежде, какъ когда послѣ многолѣтняго отсутствія и небреженія графа Потоцкаго, голосъ публики сталъ на меня указывать.

е) Я никогда не былъ и не буду въ числѣ хулителей дѣлъ вашихъ. Напротивъ, я часто ихъ отражалъ. Образъ мыслей моихъ въ семъ отношеніи выразилъ я публично въ рѣчи 21 августа 1818 года, произнесенной въ Харьковѣ. Правительство вообще, было для меня всегда нѣчто священное. Собственное же ваше лицо, государь, есть и будетъ для меня предметомъ высочайшаго почитанія на земли. Невозможно сердцу благородному не обожать васъ!... Все, все, начиная съ ангельской наружности вашей, привлекательный чистый вашъ разсудокъ, характеръ вашъ, твердый, необыкновенный, послужившій, въ 1812 году, главнѣйшимъ орудіемъ Прорѣчеству въ тому, чтобы спасти Россію и Европу; доброта ваша... Государь! я начинаю рыдать! простите меня! Оставалось бы еще сказать нѣчто: но не имѣю силъ продолжать далѣе. Еще разъ прощайте государь!..

Ваше имп. вел. вѣрноподданній В. Каразинъ.

3) Къ министру внутр. дѣлъ графу В. П. Коцубею. Ваше сіятельство, вчера въ одиннадцать часовъ вечера, объявили миѣ высочайшую волю, состоящую въ томъ, чтобы я всеподданнѣйшее мое письмо отъ 21 апрѣля, въ собственныя его императорскаго величества руки отданное княземъ Петромъ Михайловичемъ Волхонскимъ, объяснилъ по чувству долга и присяги вѣрноподданнаго. И именно, чтобы я указалъ обстоятельства, о которыхъ въ нихъ говорилъ, подробнѣе, подкрѣпилъ бы ихъ доведами, назвалъ самыя лица, отъ коихъ имѣю тѣ, или другія свѣдѣнія, и таѣ далѣе.

Исполняя сіе повелѣніе съ радостію животворящую меня о томъ, что мой подвигъ и желаніе множества людей, искренно преданныхъ своему государю и отечеству (въ число коихъ

однимъ изъ первыхъ смыло вѣсъ почитаю!) не остаются тщетными, спѣшу писать въ сіе утро и жалѣю только о томъ, что по необыкновенной важности предмета, я мало буду имѣть времени. Уже двѣнадцать часовъ; а я до сихъ поръ все еще занимался справками, какія могутъ найтись въ немногихъ бумагахъ, какія здѣсь въ С.-Петербургѣ имѣю... Но безъ сомнѣнія Богъ меня подкѣпитъ и вразумитъ! Призываю святое имя Его не какъ лицемѣры, но какъ простой и доброй христіанинъ, ка-
вовыемъ государь меня изволить знать отъ первоначальной моей бумаги въ 1801 году. Я не измѣнился, сіятельнѣйшій графъ! (съ нѣкоторою гордостю это произношу и предъ лицемъ моего возлюбленного, справедливаго монарха) между тѣмъ какъ вижу многое измѣнившимся. Все тотъ же еще образъ мыслей и выраженій, тѣ же самыя начала. Отъ упомянутой бумаги до нынѣшней все одно и тоже. Можно сличить: не найдется противурѣчія! Я смыло могу представить на судъ потомства съ моей системою и на судъ Божій съ моими намѣреніями... Между тѣмъ, какъ двухъ произведеній иныхъ министровъ (ибо кто въ XIX вѣкѣ будетъ такимъ безумцемъ, чтобы отягощать имя государя всѣмъ вообще исходящимъ отъ сего священнаго имени?) двухъ произведеній говорю, иногда чрезъ немногіе мѣсяцы одно посль другого вышедшихъ, нельзя сравнить, не ощущивъ очевидной разности началъ *), или, справедливѣе, въ оныхъ край-
наго недостатка.

Повелѣніе изложить подробнѣе обстоятельства, исполнено уже въ бумагѣ врученной в. с., о которой я упоминаю въ моемъ письмѣ. Пріобщите къ оной прежнія мои бумаги, письмо Рогова въ кнѧзу Н. Г. Вяземскому, и государь императоръ изволить достаточно усмотреть на чёмъ я основывалъ свои мысли. Всеподданнѣйшее мое письмо не доносѣ, въ которому я, можетъ быть, не способенъ, не указаніе мелкихъ, частныхъ злоупотреблений, мало достойное занять самодержца величайшей имперіи въ мірѣ, владыку трехъ царствъ, но послѣдняя воля

*.) Пусть повелить государь. Я не болѣе двухъ недѣль времени испрашивалъ, чтобы, пересмотрѣть тридцать слишкомъ томовъ інфою, о которыхъ я писалъ 12 декабря прошедшаго года вашему сіятельству, представить, конечно, болѣе трехъ соръ противурѣчій, затрудняющихъ и затрудняющихъ неподдавшися въ народѣ. А такое сравненіе было бы любопытно и можно въ высшей степени!

такъ-сказать умирающаго. Это завѣщаніе, которое бывшій счастливецъ оставляетъ въ рукѣ своего благодѣтеля, прощаюсь съ нимъ навсегда. Роля моя человѣка бывшаго призваннымъ на безпосредственное служеніе государю, кончилась. Это дано мнѣ знать оказанною милостію и вмѣстѣ отказомъ обнять колѣна давшаго ея: гораздо выразительнѣе объявленныхъ повелѣній, въ которыхъ я имѣлъ право сомнѣваться и которыхъ не могли перевѣшивать повелѣнія личнаго *). Я хотѣлъ исполнить въ послѣднѣе долгъ мой и возвратиться въ толпу, отъ которой счастіе меня отдѣляло. Вся мысль моя заключается въ тѣхъ словахъ вѣрноподданническаго моего письма, гдѣ я умоляю государя не оставить безъ вниманія явленій, которые начинаютъ у насъ обнаруживаться, употребить средства предоставленнаго правительству на болѣшее ихъ открытие и удаленіе. Я увѣренъ, что таковыи образомъ догадки мои утвердятся или опровергнутся несравненно вѣрнѣе, нежели подробностями, каковыя одинъ я бы представилъ: ибо кругъ моего дѣйствія не великъ. Сто, болѣе или менѣе, случаевъ, которые я нечаянно имѣлъ къ наблюденіямъ и которые должно бы еще было повѣрять справками, допросами, очными ставками, отвлекая простолюдиновъ отъ мѣстъ ихъ на великия разстоянія и проч.—будутъ маловажны въ пространствѣ Россіи. Относительно до указанія лицъ имѣющихъ болѣе значенія поимянно, отъ кого, что и гдѣ, когда слышалъ, то хотя изъ вѣрноподданническаго повиновенія, я могъ бы составить кое-какую записку, вспомоществуясь то памятью, то бумагами моими, которыхъ сейчасъ пробѣжалъ (бумагами наполненными болѣе ученыхъ замѣчаній); но признаюсь в. с., что совѣсть моя возмущается отъ одной мысли о таковомъ предательствѣ всѣхъ благородныхъ чувствованій. Я уже это вамъ сказывалъ при случаѣ разговора о язвительныхъ сочиненіяхъ. Сохрани наскъ Боже возобновлять сцены царствованія Анны Ивановны при такомъ государѣ!... Впрочемъ, вы изволите согласиться, что и назвавъ лица, не будетъ еще сдѣлано

*) Двумъ изъ таковыхъ объявленныхъ повелѣній я совсѣмъ не повѣрилъ; и теперь, съ дѣтскою мою простотою скажу, ей Богу не вѣрю! Оба послѣдовали въ нынѣшній мой прѣездъ, и одно чрезъ два года съ половиною послѣ того какъ дано! Ко мнѣ одному, я думаю, въ цѣлой Россіи, не исключая и живущихъ на Кадыкѣ, достигали по прошествіи столькаго времени именными повелѣніями!!!.

В. К.

рѣшительного шагу къ удостовѣренію: ибо должно ихъ спросить... и кто признается? Неужели нашему благодѣтельнѣйшему Александру пожелать убить политическихъ вѣрнаго, и уваженнаго имъ, нѣкогда любезнаго ему человѣка *) и опозорить допросами лица достойнаго его уваженія? Вчерашній день я сказалъ в. с. черты могущія быть безъ неудобства изслѣдованными. До возвращенія вашего изготавлю еще нѣсколько въ особливой запискѣ: ибо теперь дѣйствительно не достаетъ времени. Да и однихъ бумагъ упомянутыхъ выше, слишкомъ уже много, чтобы намъ дерзать за одинъ разъ болѣе отяготить обожаемаго государя. Графъ! я никогда не забуду впечатлѣнія, которое я имѣлъ, видѣвъ его однажды выходящаго изъ кабинета послѣ докладовъ! Поть градомъ катился съ прекраснаго его лица... не можно было завидовать столь возвышенному жребію!

Вѣроятно при чтеніи сихъ бумагъ родятся вопросы, кои разрѣшить или дополнить темноты я буду ожидать чрезъ васъ повѣтнія. У меня нѣть слова написаннаго безъ отчета.

Слѣдующее (дополненіе на первый случай) выписалъ я у одного изъ умѣйшихъ людей Россіи **). Нашъ просвѣщенный государь, отличаясь знаніемъ литературы не менѣе какъ прочими рѣдкими своими качествами, конечно изволитъ знать, что отступить отъ своего слога, или поддѣлать чужой столь же трудно, какъ и перемѣнить почеркъ. Онъ знаетъ языки, которыми я выражаясь, столь совершенно, что съ первыхъ строкъ узнавалъ письма, писанныя мною для другихъ. Слѣдовательно не можетъ почестъ этаго за мое сочиненіе... и сего довольно.

Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ вышеупомянутыхъ средствъ, како-ы можетъ имѣть правительство узнать не отдѣльные анекдоты (пишу низкихъ шпіоновъ),—но подлинное внутреннее положеніе государства систематическимъ образомъ,—было бы, кажется, учрежденіе статистического департамента, о которомъ я писалъ неоднократно вашему сіятельству. Если бы государю императору было благоугодно меня удостоить скромнаго мѣста

*) Увы! довольно, что онъ, т. е. одинъ изъ малаго числа тѣхъ преданнѣйшихъ людей, которые собою жертвуютъ безъ всякой жалости, быть окружены шпіонами въ пріѣздѣ свой въ здѣшнюю столицу: и что люди, вѣроятно исходатайств. таковой присмотръ, для утѣхи своей это разставили. В. К.

**) Выписки этой нѣть въ копіи.

«РУССКАЯ СТАРИНА», ДЕКАБРЬ, т. II. 1870.

Ф. В. К.

37

директора сего департамента, то я увѣренъ, что вмѣстѣ съ значительною услугою собранія свѣдѣній сего рода, которыхъ теперь нѣть и долго еще не будетъ, какъ имѣть я честь предъ вами вывестъ изъ ясныхъ доводовъ, я безъ всякаго шума и подъ предлогомъ однихъ статистическихъ обозрѣній открыть бы въ связи тысячи произшествій и обстоятельствъ, и злоупотребленій важнѣйшихъ, вовсе неизвѣстныхъ правительству. За способности и усердіе мое, в. с. можете поручиться, и я охотно собою жертвуя на сей предметъ подъ начальствомъ вашимъ: особливо естьли званіе это соединить со званіемъ правителя дѣлъ общества, предполагаемаго мною и другими значительнейшими меня особами, о которыхъ я думаю его величеству уже донесено; буде-жъ нѣтъ, то представьте списокъ съ общаго нашего согласія, ввѣренный на разсмотрѣніе вашему сіятельству.

Пусть читаетъ государь и болѣе удостовѣряется, что у него, по крайней мѣрѣ по рвенію къ истиннымъ пользамъ отечества и по усердію къ его славѣ, по искренней преданности къ его особѣ, нѣтъ другаго Каразина.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА В. Н. КАРАЗИНА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ГРАФУ ВИКТОРУ ПАВЛОВИЧУ КОЧУБЕЮ.

13 мая 1820 года.

Тетрадь 1-я. Нѣсколько анекдотовъ въ объясненіе вѣрно-подданническаго письма отъ 20-го января 1817-го года и бумаги 31-го марта 1820-го, и именно сихъ мѣстъ первого:

«Я подозрѣваю даже, не принадлежитъ ли и сія черта (т. е. высылка за границу безъ суда и безъ жалости шестидесятилетнаго старика Шада *) въ обширному плану повредить вамъ и всему нашему любезному отечеству, въ плану, которой я воображаю простигать изъ моей отдаленности, но о которомъ трепещу сказать заочно болѣе... и второй:

«Все это взятое вмѣстѣ, неоднократно рождало во мнѣ мысль, что какая-нибудь невидимая рука движеть внутри отечества нашего погибельнѣйшими для него пружинами», и пр.

Нетолько всѣ состоянія народа, но всѣ вѣроисповѣданія, какъ будто нарочно оскорбляются и раздражаются въ такомъ госу-

*) Профессоръ Харьковскаго университета.

Ф. В. К.

дарствъ, которое съ неизапомнимыми временемъ было образцомъ терпимости, и отъ имени такого государя, которому по сердцу его, мудрости и политики свойственно быть примѣромъ общаго человѣколюбія. Иногда лютеране думаютъ, что ихъ угнетаютъ, а слишкомъ покровительствуютъ католикамъ; въ другое время католики утверждаютъ тоже самое наоборотъ. А всѣ недовольны и въ сожалѣнію, весьма справедливо. Давно-ли изгнанъ добродѣтельный и умный Буссе за изданіе нѣсколькихъ церковныхъ гимновъ, допущенныхъ впрочемъ Цоликофферомъ и другими почтеннѣйшими богословами въ Германіи, между тѣмъ какъ теперь г. Линдль, коверкаясь въ католическихъ храмахъ, преподаетъ, къ соблазну католиковъ, содержаніе тѣхъ самыхъ гимновъ въ прозѣ? Сколько сіи оскорблены поруганіемъ такъ сказать ихъ каеодрь, явствуетъ уже изъ того, что Сестренцевичъ, образецъ придворной уступчивости, холодный старикъ, едвали когда имѣвшій какую-нибудь религию, наконецъ вышелъ изъ терпѣнія на праздникахъ пасхи. Сомнѣваюсь, чтобы сіе произшествіе было представлено государю въ истинномъ его видѣ!... Въ собственной Россіи находится шесть католическихъ епархій. Никогда не было примѣра, чтобы онъ оставались праздными иромъ того времени, которое нужно на избрание и утвержденіе епископа. Не было примѣра, чтобы въ сіе званіе производили людей безъ разбора и самовластно: а всегда избирались они капитулами канониковъ изъ людей просрѣщеннѣйшихъ, благонравныхъ и благороднаго происхожденія: ибо въ самые каноники (или прелаты) никто не изъ дворянъ не допускается. Теперь минская епархія не имѣть епископа, равно Гродно-Виленская: въ первой администраторомъ какой-то каноникъ, а во второй, заключающей въ себѣ до двухъ миллионовъ жителей, митрополитъ Сестренцевичъ, которого по его старости естественно едва можетъ доставать на могилевскую епархію *). Въ Подольскую же опредѣленъ, безъ одобренія капитула, иѣто Мацьевичъ, человѣкъ самого бѣднаго происхожденія и воспитанія грубаго, которого все достоинство состоить въ томъ, что онъ низкой поклонникъ министру. Подобный ему, но еще скудоумнѣе, Липскій, человѣкъ, о которомъ утверждаютъ, что

*) Сверхъ должности президента и другихъ званій, которыхъ онъ на себя набралъ.

В. К.

37*

онъ не разумѣть даже ектеній, произносимыхъ имъ по обычаю на латинскомъ языке, теперь готовится въ епископы; а коадьюторомъ и, слѣдовательно, наследникомъ митрополита сдѣланъ быть также величайший невѣжа, вместо того, чтобы обратить вниманіе для сего важнѣйшаго поста на волынского и подольского епископа Щицкевскаго, умнаго и добродѣтельнаго старца, извѣстнаго государю, которому степень митрополита по всѣмъ возможнымъ правамъ принадлежитъ. Все это, при нынѣшнемъ просвѣщеніи россійскихъ католиковъ, огорчаетъ до невѣроятности ихъ сердца. Ониувѣрены, что якобы сдѣланъ правительствомъ планъ уничтожить сіе вѣроисповѣданіе: такъ я слышала отъ нѣсколькихъ, хотя очевидно, что сіе не можетъ быть справедливо... а едва ли не принадлежитъ къ оной системѣ вѣнѣшней! «Такъ ли хочетъ и мыслить Россія утвердить въ союзѣ своеемъ польскія провинціи?» говорятъ они въ огорченіи. Словомъ, ропотъ есть всеобщій... общій и для тѣхъ, которые совсѣмъ равнодушны къ папѣ и къ самой религії. Подобное намѣреніе предполагали они также въ переводѣ католической семинаріи изъ Вильны (гдѣ она при всѣхъ ученыхъ пособіяхъ университета совершенно на своемъ мѣстѣ) въ бѣдный городокъ Винницу. Но князь А. А. Чарторыскій сильными своими представленіями остановилъ сей переводъ.

Давно ли императорскимъ словомъ, которое должноствуетъ быть непреложнымъ, утверждены права езуитовъ на здѣшнюю каѳедральную церковь, на заведенія при ней? Полоцкая академія утверждена уже при нынѣшнемъ министрѣ. Но внезапно, по случаямъ, которые должно было предвидѣть, или послѣ произшествія наказать на нѣсколькихъ виновныхъ, хитрые эти проказы, успѣвшіе между тѣмъ поразвѣдать тайны наши, до крайности, сперва, уязвлены изгнаніемъ изъ сей столицы, потомъ рѣшительно приуготовлены къ мщенію изгнаніемъ изо всей Россіи. Я смѣлъ бы полагать по крайней мѣрѣ, что можно было отложить сіе изгнаніе на другое, болѣе безопаснѣйшее время: и покушеніе обратить жида, наказать менѣе громкимъ образомъ, просто какъ частный случай, изслѣдовавъ проступокъ, который не могъ быть причтенъ въ преступленіе цѣлому многочисленному сословію. Подобныя изгнанія вообще суть черты истории, долженствующія быть чуждыми для царствованія обожаемаго мо-

его Траяна: пускай бы онъ оставались при царствованихъ Людовиковъ XIV!. Желалъ бы я, чтобы государь чрезъ вѣрныхъ людей удостовѣрился въ ропотѣ бѣлорусскихъ губерній, которыхъ дворяне и прочие лучшіе жители не знаютъ куда дѣвать свое юношество. Не говорю уже о присвоеніи, или по крайней мѣрѣ незаконномъ отчужденіи собственности въ тѣхъ губерніяхъ и здѣсь въ С.-Петербургѣ, которое ни сколько не можетъ быть соглашено съ возвышенными кроткими его началами. «Остановись дерзновенный!..» Нѣтъ, графъ! ничто не можетъ меня устрашить до того, чтобы я измѣнилъ правдѣ: ему это уже известно. Притомъ, можетъ ли оскорбить вѣрноподданный, вѣща подъ печатію тайны, между тѣмъ когда чужестранецъ, гласящій иногда всенародно, не оскорбляетъ? мнѣ известно, что государю угодно знать всѣ нелѣпости, издаваемыя о немъ и о Россіи его за границею, и что онъ съ улыбкою изволить читать изъ оныхъ извлечениія. Истина, сказанная сыномъ стоящимъ передъ нимъ на колѣняхъ, простительнѣе. Просвѣщеніе есть огонь, ни коимъ образомъ не могущій быть заключеннымъ, и благо если онъ устремляется прямымъ путемъ къ престолу!.. Да и дѣло здѣсь идетъ именно не объ священномъ лицѣ государя *).

Возвращаясь къ езуитамъ, донесу напослѣдокъ, что въ нынѣшнее время, наше правительство, примирясь съ ними послѣ удаленія ихъ въ Бѣлоруссію, могло бы извлечь изъ бытности ихъ у насъ значительную пользу. Ибо, кто лучше ихъ зналъ когда-либо все происходящее въ политическомъ мірѣ?

Почти вмѣстѣ съ езуитами оскорблены полтора миллиона (если не болѣе) евреевъ, пребывающихъ въ россійской имперії. Сомнѣваюсь, чтобы милосерднѣйшему монарху пришло на мысль все послѣдствіе для нихъ указа, воспрещающаго имъ употребленіе служителей изъ христіанъ. По закону Моисееву имъ отнюдь

*) Отчужденіе езуитскихъ имѣній сдѣлано какъ будто въ подражаніе отнятія монастырскихъ нашей церкви. Хотя начала Александра и Екатерины II весьма различны. Она въ семъ случаѣ совѣтовалась болѣе съ мнѣніемъ Вольтера и прочихъ энциклопедистовъ, нежели съ собственною мудростію. Сія, безъ сомнѣнія, внушила бы ей сохранить право собственности, давность владѣнія и святость завѣщаній; но въ монастыряхъ, подъ начальствомъ образованныхъ архимандритовъ, завести училища, больницы, пристанища для инвалидовъ, и проч. Теперь монастырскія имѣнія, а особливо гѣса, исчезли навсегда!...

В. К.

не позволяет никакая работа въ субботные дни. Дни эти будуть для нихъ отнынѣ днями голода и холода въ зимнее время. Пищу свою они обыкновенно приуготовляютъ на канунѣ. Но не всякой еврею готовить себѣ хлѣбъ: большая часть довольствовалась онимъ у хлѣбниковъ и на рынкахъ. Но купля въ субботу запрещается. Подобно нельзя еврею (какъ работнику, такъ и хозяину его равно) въ субботу развести огонь: следовательно кто обогрѣвть ихъ жилище въ это время? Извѣстно, какъ свято (или можетъ упрямо) сей народъ соблюдаетъ свои уставы... Отъ в. с. зависитъ позвать первого жида изъ находящихся здѣсь въ столицѣ, чтобы услышать лично сѣтованіе ихъ о семъ гоненіи, какъ они его называютъ. Они опасаются болѣе всего привозъ низшихъ чиновниковъ полиціи, которыхъ алчности подобной законъ каждый день можетъ давать пищу. Какъ бы то ни было, но трудно изъяснить какимъ образомъ одно донесеніе, одного начальника губерніи, могло бытъ поводомъ къ общей утѣшительной мѣрѣ?

Тетрадь 2-я. Прежде нежели я стану продолжать, добрый мой геній велить мнѣ самому предварительно изслѣдоватъ, въ какой степени заслуживаетъ довѣріе то, что я пишу. Это кажется необходимо.

1) Быть можетъ, что я человѣкъ пришедший въ послѣднѣйшую бѣдность, который желая выслужиться у правительства, предприметъ сей отважный шагъ, подобно какъ утопающій хватается за ножъ, или какъ проигравшій все свое состояніе, ставитъ послѣдніе его остатки на карту?

2) Быть можетъ, что уязвленъ и доведенъ до отчаянія правительствомъ, и въ изстушеніи хочу изрыгать на него хулы, яко единственное, возможное частному человѣку мщеніе?

3) Быть можетъ, что я подкупленъ врагами отечества, внутренними или внешними для того чтобы употребить маленькие мои способы на возбужденіе въ государѣ подозрѣній, или замѣшательства?

4) Быть можетъ, что отчаянная, неукротимая злоба на моихъ какихъ нибудь гонителей, или важныхъ особъ, оскорбившихъ меня на чести или имѣніи, влагаетъ мнѣ въ руки перо,

чтобы очернить ихъ, сдѣлать имъ взаимный вредъ ио помысламъ?

5) Быть можетъ, что я орудіе какой нибудь партии недовольной настоащимъ порядкомъ вещей, человѣкъ имѣющій обширныя связи, замѣченный со стороны предпріимчивости, и употребленный на сей конецъ?

6) Быть можетъ, что я по крайней мѣрѣ правильно или съ нѣкоторымъ основаніемъ могу быть подозрѣваемъ въ нелѣпыхъ или злыхъ намѣреніяхъ: поелику я въ службѣ моей въ столицѣ, или въ отставкѣ въ провинції замѣченъ былъ человѣкомъ лживымъ, неблагонамѣреннымъ, беспокойнымъ, возмущавшимъ умы... и такъ далѣе. Я вообразилъ исчерпать всѣ предположенія: но прочитавши написанное, вижу, что еще одно:

7) Быть можетъ, что я съумасшедшій, который въ бреду своеемъ составляетъ мечты и выдаетъ ихъ за дѣло. Воображаетъ себя Шведенборгомъ, Миллеромъ, призваннымъ отъ Бога на нѣчто чрезвычайное, на преобразованіе царства?..

Государь проницательный и самодержавный: т. е. имѣющій всѣ средства въ рукахъ, легко можетъ удостовѣриться, согласно ли съ обстоятельствами какое изъ оныхъ предположеній? Жизнь дворянина, имѣющаго нѣкоторое имя, отца многочисленнаго семейства, по его отношеніямъ личнымъ, по образу поведенія публичнаго и частнаго, не могла въ толь долгое время укрыться отъ вниманія правительства. Богъ одинъ, конечно, есть судія сердецъ. Но ежели всѣ дѣла какого человѣка, рѣчи торжественно произносимыя имъ и всѣ тайныя бесѣды въ продолженіи двадцати лѣтъ дышутъ нѣжнѣйшею любовью къ государю и желаніемъ добра отечеству; если, напримѣръ, безъ всякой надежды угодить и въ самое то время, когда грубить онъ самодержцу своему правдою, начертываетъ подъ бюстомъ его въ московскомъ собраніи похвалы, приводящія въ восторгъ потому особливо, что онъ естественны и справедливы; если связи и знакомства его объемлютъ исключительно людей, въ умѣ и благонамѣренности коихъ не можно сомнѣваться; если онъ постоянно приверженъ только къ тѣмъ государственнымъ особамъ, которыхъ общественное мнѣніе всегда отличало отъ прочихъ, а постоянное возвращеніе къ нимъ самого государя доказывало ихъ внутреннюю

цѣну; ежели этотъ человѣкъ, свято сохрании одинакій, непреложный образъ мыслей и въ милости и въ немилости, не бросается изъ вольнодумства въ мистику и изъ республиканскихъ началъ въ деспотической, но идетъ всегда среднею стезею доброго христіанина и доброго подданного; если онъ, удаляясь только политическихъ и религіозныхъ причудъ, сѣѣшь изъ первыхъ участвовать во всякомъ благородномъ подвигѣ... то подозрѣвать его въ злыхъ намѣреніяхъ, было бы, кажется, явнымъ противуѣчіемъ.

Тешерь: что жъ осмѣливается предлагать сей подозрительный человѣкъ (дабы по крайней мѣрѣ изъ сей точки освѣтить тайные его виды)? Не народныя ли собранія, распущеніе войскъ, новые налоги, удаленіе того и другого изъ столповъ государственныхъ, или тому подобная мѣры? Нѣть: но только приближеніе государя къ просвѣщенному дворянству, окруженіе себя болѣе и болѣе природными россіянами, имѣющими большую недвижимую собственность *) и отцами семействъ, составленіе постоянной системы совершенно согласной съ нравственностью и монархическими началами... Такія предложенія не могутъ, кажется, происходить отъ врага отчизны, ниже отъ умоизступленнаго честолюбца.

Льстецы должны быть болѣе подозрительны государамъ. Они желали бы заградить къ нимъ входъ всякой истинѣ, представить всякое покушеніе говорить — оскорблениемъ величества, попрьвомъ мѣшаться не въ свое дѣло, тщеславнымъ желаніемъ учить правительство. Возможно ли? Я оскорбляю открывая мои мысли (справедливыя, или ложныя все равно) тому единому, которому принадлежитъ знать ихъ, и отъ котораго зависитъ дать имъ цѣну!.. Въ такомъ вѣкѣ, когда престолы окружены опасностями, когда бунты вездѣ свирѣпствуютъ, когда собственные наши журналы говорятъ публично съ народомъ тысячу разъ дерзновеніе, я говорю съ государемъ подъ печатью тайны: и я виновенъ въ глазахъ онъхъ господъ!... «Я, де, мѣшаюсь не въ свое дѣло». А давно ли дѣло отечества, въ которомъ я живу, въ которомъ

*) Въ числѣ ихъ я меныше всего могу себѣ разумѣть, потому что незнающей моей собственности едва достаетъ на уплату долговъ и воспитаніе дѣтей. Я долженъ сіе оговорить во избѣженіе и малѣйшаго подозрѣнія въ личныхъ видахъ.

будутъ жить мои дѣти и внуки, котораго монархъ почитается отцемъ обширнѣшаго семейства, перестало быть моимъ собственнымъ дѣломъ? Изъ какой азіатской системы взята мысль эта? Учить правительство: выраженіе изобрѣтеніе нарочно для уязвленія самолюбія лицъ правительство составляющихъ. Но авторы, публично издающіе книги о лучшемъ устройствѣ законодательства, финансовъ, и пр. развѣ не болѣе еще должны казаться виновными? А правительство не рѣдко ихъ награждаетъ. Боже мой! И ты позволяешь жаловаться на бѣдствія, которыхъ ты посылаешь и просить у тебя лучшаго: а правительства состоять изъ человѣковъ. Мы всѣ учимъ и учимся до самой смерти. Непчастливъ тотъ, кто вообразить, что ничего уже не остается ему узнать. Правительство есть средоточіе, въ которое необходимо должна стекаться всякая мысль о благѣ общемъ. Горе, если мы станемъ разсуждать на площадахъ подобно другимъ народамъ!.. Да и много ли насъ теперь въ Россії, желающихъ, имѣющихъ и дерзающихъ говорить нѣчто правительству? Оно съ сей стороны можетъ оставаться покойнымъ: ему не наслушасть.

Простите, с. г., мое отступленіе! Мнѣ пріятно будетъ, если вы именно изъ него замѣтите то непринужденное теченіе мыслей, которое можетъ дать только чистая совѣсть. Божусь вамъ, да вы можете сіе и сами видѣть изъ слога, что пишу прямо набѣло: я пишу среди посыщений и дѣлъ семейственныхъ, даже среди забавъ. Вчера, на одномъ домашнемъ театрѣ, съ удовольствиемъ услышалъ я въ драмѣ молодого автора, обѣщающаго быть хорошимъ трагикомъ *), мысль совершенно относительную къ моему нынѣшнему положенію: «говорить истину опаснѣе, нежели сражаться на полѣ битвы». «Чтобы уповать успѣть, надобно быть весьма увѣреннымъ въ помоши божіей»!

О беспорядкахъ въ дѣлахъ разныхъ вѣроисповѣданій я желалъ бы скорѣе кончить, чтобы перейти къ другимъ предметамъ и не подать мысли в. с., якобы ополчаюсь противу министра сей части **).

*.) Это Кукольникъ, сынъ директора Нѣжинскаго лицея, братъ того, который у васъ служить.
В. К.

**) Который во всемъ этомъ, по смыслу самой бумаги моей 31-го марта, развѣ Богу душою виноватъ, какъ говорить отечественная пословица. В. К.

Надѣюсь, что мнѣ не будутъ поставлены въ вину ошибки въ именахъ и другихъ неважныхъ обстоятельствахъ. Я узналъ вчера же, напр., что епископъ волынскій не Тецищевскій, какъ я написалъ изъ словъ одного патера, но Цецищевскій и что семинарію хотѣли перевести не въ Винницу, но въ Березу, картезіанскій монастырь въ Кобринскомъ повѣтѣ.

Покровительство, оказываемое отступникамъ отъ католиковъ Феслеру и Линдлю *), приводя въ соблазнъ умы той и другой партіи, удовлетворяетъ столь же мало благочестію господствующей церкви, какъ и мистическая празднества, совершаemыя въ Михайловскомъ дворцѣ. Женскія общества, возникшія въ Екатеринославлѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, подъ именемъ сестеръ молчанія, куда (сестрами же) принимаются и мужчины; соблазнительное сходище открывшееся недавно во Владимирѣ, о которомъ теперь секретно изслѣдывается синодъ, и которое прежде защищалъ—было министръ, поелику оно называло себя библейскимъ; умноженіе въ Воронежѣ раскола субботниковъ, а здѣсь скопцовъ, суть естественные слѣдствія направленія умовъ къ таинственности религіи вмѣсто простоты, которая всегда была свойственна нашей церкви. При явномъ пренебреженіи первѣйшихъ ея догматовъ, все это поведеть къ разрушенню того спокойствія въ народѣ, которое наиболѣшимъ образомъ утвердилось въ безпристрастное ко всѣмъ актамъ царствованіе Екатерины.

Тетрадь 3-я. Цѣль несвойственного Россіи (и безъ того уже слишкомъ многосложной, много-сектной, если можно такъ сказать) устремленія умовъ къ мистикѣ посредствомъ библіи и къ чтенію библіи по направленію мистики, есть мечтательна. Въ министрѣ вѣроятно поддерживаютъ мысль, что симъ достигнуть онъ къ величайшей славѣ, каковую когда-либо стяжалъ человѣкъ, въ соединенію вѣръ; а между тѣмъ государя хотятъ увѣритъ, что это дѣйствительнѣйшее средство къ распространенію и утвержденію доброй нравственности. Что различные вѣроисповѣданія никогда не соединятся, это наиболѣшимъ образомъ доказано бесполезными опытами нашего и прусского

*) Сей послѣдній живетъ даже у Сарептскихъ геригутеровъ.

В. К.

правительства соединить лютеранъ и протестантовъ, сколько они ни сближены между собою происхождениемъ, догматами, обрядами и степенью просвѣщенія. Исповѣдниковъ философіи XVIII вѣка, въ спискахъ какого бы прихода они ни состояли, легко свести въ одну церковь и захотить торжествовать, съ музыкою, соединеніе*); но согласить сотни и тысячи семействъ, привязанныхъ къ своимъ понятіямъ, книгамъ, обрядамъ, перенѣтить ихъ, не употребляя величайшаго насилия, отнюдь не возможно. Рѣшительно можно сказать, что никакое правительство до этого не достигнетъ до окончанія вѣка и ссылка на общее основаніе вѣръ, какова есть библія, ни къ чему не послужить въ семь случаѣ: ибо всякий будетъ ее изъяснять въ свою пользу. Напротивъ неосторожное ея преданіе на судъ народа должно естественно умножить толки, слѣдовательно и расколы. Исторія голландскихъ и англійскихъ сектъ это доказываетъ наилучшимъ образомъ. «Не повержите бисера предъ свиньями» не напрасно сказано, и пала въ семь случаѣ правъ. Толпу дѣтей нельзя пустить въ аптеку, какъ ни спасительно это хранище для поддержанія здоровья и жизни: они отравили бы себя непремѣнно! Наши святые отцы, каковъ Василій Великій и другие, знали это лучше Цатерсона. Они учредили систематическіе чтеніе въ церквахъ приличныхъ мѣстъ священнаго писанія. Раздѣливъ весь новый завѣтъ (за исключеніемъ однако апокалипсиса) на зачала, они изъ ветхаго предлагали только параміи**). Да и апостолы, наставляя въ средствахъ къ спасенію, никогда не предписали чтенія библіи во всесѣломъ ея составѣ, многообъемлющемъ, большую частью превышающемъ понятіе обыкновенное, требующемъ познанія древностей, для своего уразумѣнія. Не чтеніемъ библіи, но проповѣдью умножилось число христіанъ на земномъ шарѣ. Сіе чтеніе одно не умножаетъ и добрыхъ нравовъ. Доказательствомъ тому наше духовенство, которое, по необходимости обращаясь съ библіею каж-

*) Говорять что Буссе, на вопросъ его величества короля прусскаго о праздниѣ соединенія, назвалъ оный «ein Schaufilz» и что это-то было истинною причиной изгнанія сего мужа, бывшаго въ здѣшней столицѣ девятнадцать лѣтъ притѣромъ добродѣтелей и семейнаго счастія. Троє изъ его благоспітанныхъ сыновей остались въ россійской службѣ.

В. К.

В. К.

**) Мѣста подобранныя къ случаю.

дай день, есть одно изъ развращеннѣйшихъ классовъ народа *). (Не напрасно съ давнихъ временъ и по нынѣ, встрѣча съ по-помъ почитается дурною встрѣчою!). Для распространенія благонравія прежде всего должно приуготовить добрыхъ пастырей, сдѣлавъ сіе званіе почтеннымъ и совсѣмъ независимымъ отъ счетовъ съ прихожанами и позволяя вступать въ оное только тѣмъ изъ учащихся молодыхъ людей, которые отличились добрыми нравами и незыблемостію характера **). Добрые помѣщики, которые не имѣютъ и чиновники, которые не имѣли бы нужды развращать народъ, должны служить вторымъ настолько же, какъ и первое необходимымъ орудіемъ. Ежели государь удостоитъ меня употребить въ составленію правдивой статистики имперіи, то, между прочимъ, сличивъ свѣдѣнія о числѣ преступниковъ до введенія сего подражанія англичанамъ, съ числомъ оныхъ послѣ (въ то же число лѣтъ), надѣюсь доказать рѣшительно, что нравственность нисколько не поправилась сею мѣрою. То же самое мы видимъ и въ Англіи. А злоупотребленія прибыли... начавъ отъ собиранія и издерживанія великихъ суммъ, жертвуемыхъ на сей предметъ. Впрочемъ я не имѣю права обнаруживать моихъ подозрѣній, которые не имѣю никакихъ способовъ доказать. Вижу только, что общество, или его комитетъ, имѣя о сю пору въ обращеніи капиталь, который можетъ приносить вѣрныхъ процентовъ сто тысячъ рублей, если не болѣе, безпрестанно жалуется на недостатокъ средствъ и что публичные такъ-называемые отчеты никого не убѣждаютъ ***). Мимоходомъ позволяю здѣсь себѣ ска-

*) Т. е. я виню не состояніе (званіе), а обстоятельства, которыхъ тому причина.

В. К.

**) Это самая та мѣра, которую я имѣть дерзновеніе предлагать еще въ 1802 и 1803 годахъ. Вообще пора уже отставать отъ индійскихъ касть, и дать вся кому свободу избирать то служеніе, въ которое Богъ его призываетъ. Я никакой не вижу невозможности въ томъ, чтобы недостаточные молодые люди изъ дворянъ и купцовъ поступали по желанію въ священники, какъ это и бывало прежде въ Малороссіи; равно чтобъ священническія дѣти рѣзкаго права и крѣпкаго сложенія поступали въ воинскую службу безъ всякихъ особыхъ ходатайства.

В. К.

***) Легко доказать что о сю пору уже могло быть напечатано болѣе книгъ Св. Писанія, нежели сколько есть грамотныхъ людей въ Россіи, которыхъ чи-
слу далеко не доходитъ до сотой доли народонаселенія. Съ остальными же экземплярами что дѣлать? Куда разойдутся напр. 6,000 экз. евангелія на кал-
мыцкомъ языке, и пр.?

В. К.

зать (хотя это не принадлежитъ къ дѣлу), что однимъ изъ значительныхъ неудобствъ отъ учрежденія, какъ сего библейскаго такъ и человѣколюбиваго общества, есть похищеніе капиталовъ изъ внутренности имперіи, которая и безъ того слишкомъ оными скудна въ сравненіи со всепоглощающею столицею. Бѣдный сельскій священникъ, убѣждаемый архіеремъ, который надѣніемъ всемогущъ и который ищетъ угодить высшему начальству, даетъ послѣднее... и все это отправляется въ Петербургъ. Недавно еще оплакивалъ я присланные такимъ образомъ изъ скучнѣйшей деньгами Екатеринославской губерніи шесть или семь тысячъ рублей *), которые бы навѣрное тамъ пропитали семидесять семействъ, ожививъ сотни рукъ трудолюбивыхъ, и который здѣсь послужили на весьма кратковременное удовлетвореніе нуждъ женщинъ... увы! не слишкомъ и правильнаго поведенія можетъ быть! Приказы общественнаго призрѣнія заслуживаютъ, и съ сей стороны даже, предпочтеніе благонамѣренного правительства. Нашему вѣку свойственно пускать пыль въ глаза и бесполезно умножать способы. Корыстолюбіе и чванство, пользуясь благодѣтельнѣйшими наклонностями государей, обманываютъ ихъ кругомъ.

Если уже непремѣнно должно заимствовать что отъ англичанъ (т. е. отъ народа меныше всѣхъ европейскихъ имѣющаго съ нами сходства, какъ по физическому, такъ и политическому положенію), то полезнѣе бы было издать вновь и какъ можно болѣе умножить изданія Христіанскаго Нравоученія, книги превосходной, напечатанной уже на нашемъ языкѣ въ 1784 году (если не ошибаюсь) и содержащей полный и простѣйшій курсъ морали для всѣхъ состояній и для всѣхъ случаевъ жизни, словами самаго священнаго писанія. Такое изъ драгоценнѣйшей и высочайшей сей энциклопедіи извлеченіе, не произвело бы въ умахъ народныхъ того волненія, которое производить провозглашеніе о библіи. Простые поселяне наши не знаютъ что думать, вслушиваясь что «въ Питерѣ (какъ они говорятъ) установленъ какой-то соборъ, на которомъ старшимъ предсѣдаеть свѣтской человѣкъ, кн. Голицынъ, а на правой-де и на лѣвой руцѣ отъ него засѣдаютъ и нашъ митро-

*) Въ человѣколюбивое общество.

политъ, и католицкой, и всякие нѣмецкіе архіереи и другіе чи-
ны. Этово-де у насть на Руси съ роду не бывало *). Вѣру-де
портить». Вотъ точные слова одного однодворца, слышанныя
миною Курской губерніи въ Сороковомъ колодезѣ **). Извѣ-
няю сего простолюдина и подобнаго ему, умствующаго здѣсь
въ С.-Петербургѣ, когда сей послѣдній видѣть, что въ то же
время неосторожно нарушается то, что онъ привыкъ разумѣть
подъ именемъ благочестія. Нѣть мнѣ нужды ни на кого ссы-
латься: 6-го числа августа прошедшаго года я былъ разбуженъ
въ моей квартирѣ, на перекресткѣ Сергіевской и Гагаринской
улицѣ, стукомъ долотъ работниковъ, которые весь тотъ день
(одинъ изъ первыхъ годовыхъ праздниковъ!) обтесывали ка-
мень на столбики тротуаровъ; 15-го августа (въ успеніе Бого-
родицы) такимъ же образомъ разбудили насть ломая заборъ, ко-
торый должно было передѣлать, въ тотъ же день въ виду на-
шемъ крыли кровлю; а 30-го августа видѣлъ я каменщиковъ въ
полнѣй работе, напротивъ Зим资料 дворца, на казенномъ
строеніи. Надобно совсѣмъ не знать русскій народъ, чтобы
вообразить, что все это не дѣлаетъ на него никакого впечат-
ленія, кроме хорошаго. Обряды вѣры у него тѣснѣйшимъ обра-
зомъ соединены съ понятіемъ о благонравіи и благочинії. Чте-
ніе бібліі не заставитъ его уважать спасительную и необходимую
для него власть, коль скоро онъ однажды почтеть себѣ
позволительными подобныя отступлѣнія.

Оканчивая сю тетрадь, послѣднюю кажется впредь до при-
казанія вашего сіятельства, донесу, что мнѣ о многомъ
еще писать остается: и именно, 1) о вредной системѣ, которую
ввели иностранцы въ министерство финансовъ. Доказать можно,
какъ день, что мнимая эта система кредита ведеть къ госу-
дарственному банкротству, обогащая только спекулянтовъ; объ-
явленія же и провозглашенія о ней подрываютъ счастливую до-
вѣренность нашего народа къ своему правительству. 2) О вред-
номъ направлѣніи, которое взяло просвѣщеніе и о преградахъ,
которыя недовѣдомымъ образомъ ежедневно полагаются благимъ

*) Зрѣлище дѣйствительно странное, даже и для насть; особенно послѣднее торжественное собраніе въ залѣ Таврическаго дворца, украшенной язычески-
ми статуями, каковы напр....(?) снизу до верху.

В. К.

**) Имя станци.

В. К.

намѣреніямъ Государя по сей части. 3) О подрывѣ привязанности къ начальству войска и народа, совершаюмы разными путями; и такъ далѣе.... Но все это я могу только указать издали въ настоящемъ моемъ положеніи. Могъ бы обнаружить ясно и постигнуть что нибудь о противудѣйствующихъ злу средствахъ, если бы имѣлъ болѣе способовъ (официально) и употребилъ бы сотрудниковъ, къ которымъ не смѣю теперь прибѣгнуть. Къ счастію, можно еще безопасно пожертвовать нѣкоторымъ временемъ на таковыя изслѣдованія; ибо я не вижу ничего требующаго немедленного вниманія правительства, кроме отношенія поселянъ къ ихъ помѣщикамъ. Сего одного отнюдь не должно откладывать!

Сія третяя тетрадь послана при слѣдующемъ письмѣ:

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Вчера, когда я написавъ третью мою тетрадь хотѣлъ ея посыпать къ в. с., узналъ я отъ пришедшаго ко мнѣ обѣдать дежурнаго, г. Кульбоника, что вы изволили уѣхать въ Царское-Село. Долгомъ поставляю препроводить ону сего дни. Вы изволите найти сіятельнѣйшій графъ, что я продолжаю писать безъ всякаго приуготовленія, точно какъ писалъ бы подъ вашимъ надзоромъ, въ кабинетѣ вашемъ. Сего несомнительного признака чистосердечія подѣлать не льзя: почему я и предпочелъ его уважить болѣе, нежели можетъ быть должное приличіе, которое обыкновенно соблюдается въ бумагахъ, идущихъ въ такія руки.

Счастливымъ себя почту, если моя откровенность произведетъ мысль, что подобные мнѣ обсерваторы могутъ приносить свою пользу въ правительство, столько многосложномъ, каково есть наше. Есть вещи, которыхъ ни официально, ниже посредствомъ наемыхъ наблюдателей низкаго рода, никогда не дойдутъ до государя, который долженъ необходимо быть всевидящее око своей имперіи. Дайте мнѣ средства: и вы въ непродолжительное время станете созерцать картину ея, какой не было еще представлено. Она нужна особливо въ настоящее время, которое (по выражению Лейбница) чревато будущностію. «Le temps pr  sent est gros de l'avenir». Простыя даже статистическія свѣденія, которыхъ собираю, должно служить

предлогомъ, въ высшей степени важны для правительства: и я, сверхъ многаго, скажанного прежде, что безъ сомнѣнія вы изволили донести его величеству, представляю при семъ первый листъ моихъ таблицъ о Слободско-Украинской губерніи каковыхъ листовъ вообще будетъ семь по порядку алфавита, (теперь второй къ печати пріготовляется). Взгляните сіательнѣйшій графъ на результаты выведенные въ послѣднихъ трехъ рядахъ. Не ужаснетесь ли, напримѣръ, увидѣвши, что въ казенномъ селеніи № 38, по десяти-лѣтней сложности, ежегодно изъ шестьнадцати до семьнадцати жителей умираетъ одинъ? Таковой смертности никогда не слыхано въ Европѣ! Это настоящій моръ: и кому какъ не правительству надлежить какъ возможно скорѣе позаботиться открыть подлинныя его причины и удалить ихъ? Вотъ, между прочими истинный предметъ статистики, а не вздоры, которыми занимается Германъ, и которыми десять лѣтъ еще безъ всякой пользы для государства будетъ заниматься!

Пріймите, милостивый государь! министръ, коего я не изъ ласкательства называлъ достойнымъ и истиннымъ вельможею великаго царя и великаго царства, пріймите повтореніе увѣренія въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и преданности! вашего сіательства и пр.

P. S. Результаты моихъ таблицъ показываютъ еще благосостояніе каждого селенія, хорошее или дурное ихъ управление и влияніе мѣстоположенія и климата: все сіе съ первого взгляда и вѣрнѣе всѣхъ прочихъ доводовъ. Непремѣнно надобно завести подобныя въ военныхъ поселеніяхъ, если государь императоръ желаетъ математически увѣриться въ томъ, пойдутъ ли они къ своей цѣли.

Тетрадь 4-я. Оканчивая третью тетрадь я предполагалъ сюю начать изображеніемъ нашей системы финансъ. Но поѣзда въ Кронштадтъ, которую между тѣмъ долженъ быть сдѣлать во удовольствіе моего семейства, сверхъ чаянія даетъ мыслямъ моимъ другое направленіе. Я буду говорить о морскомъ департаментѣ, или о морскомъ министерствѣ.

Иностранцы, ревнуя всѣми мѣрами подорвать ненавистныя имъ силы Россіи, не пропустили подѣйствовать и съ сей стороны своими внушеніями. Они искали и успѣли увѣрить наше

правительство, что Россія, какъ держава суходутная, примыкающая болѣею частію къ пустынамъ Азіи или Ледовитому Океану, почти не имѣть нужды во флотѣ; что многочисленные ея полки составляютъ достаточную и непреоборимую ей защиту и пр. Вѣроятно симъ и подобнымъ образомъ отвлекли они вниманіе отъ флотовъ, которые составляли едва ли не первѣйшій предметъ попеченій Петра Великаго и истинную причину основанія С.-Петербургага. Слѣдствіемъ сего есть пренебреженіе чиновниковъ и дѣлъ морскаго министерства, которое будетъ имѣть слѣдствіемъ паденіе россійской морской силы. Флотскіе офицеры, съ которыми я встрѣчался въ полуденныхъ губерніяхъ, въ С.-Петербургѣ и въ Кронштадтѣ, всѣ за одно сокрушаются о томъ, что они и служба ихъ безъ вины потеряли милость своего государя. Уныніе обдергитъ ихъ; нѣть охоты усовершать себя въ знаніяхъ и опытасти, кои составляютъ душу службы сего рода. Это видно особливо въ Кронштадтѣ. Тамъ все мертвъ. Разваливающіяся, съ разбитыми стеклами зданія и гниющіе корабли тому же соотвѣтствуютъ. Болѣе часа сидѣль я въ Адмиралтействѣ надъ докомъ, въ которой введенъ между прочими судами сгнившій «Емануиль» и слышалъ только изрѣдка стукъ каменщиковъ, числомъ не болѣе тридцати, кои занимались починкою стѣнъ дока. Вокругъ судовъ не было примѣтно никакого движенія. На канунѣ, 23-го мая, лишь была выведена эскадра на рейдъ, ибо насили могли собраться заимствуя у одного корабля части для оснащенія другого. Въ прежнее время каждый имѣть не одинъ комплектъ полнаго таекелажа и принадлежностей. Я думаю, по сей причинѣ я не могу добиться позволенія посмотрѣть какой нибудь изъ линейныхъ кораблей, оставшихся въ гавани. Мнѣ безъ окличностей признались, что они въ большомъ беспорядкѣ. «Ну, ваше высокоблагородіе» сказаль мнѣ штурманъ, съ которымъ мы на другой день возвращались изъ Ораніенбаума, «коли Иванъ Ивановичъ еще лѣтъ пятое пробудетъ министромъ, то русскій флотъ совсѣмъ рухнетъ!» Не могу уже припомнить всѣхъ выраженій, которыми сей заслуженный морякъ честилъ своего Маркиза (де-Траверсе). «То ли дѣло было при Чичаговѣ», продолжалъ онъ: «свой своему по неволѣ братъ», и прочее.... «Теперь-де учать насъ маршировать; и экзерциціи не выучиваемся, и отъ морскаго

дѣла отстаемъ. Сохрани-де Богъ отъ непріятеля!... Умѣлые матро-сы совсѣмъ выводятся; у офицеровъ нѣтъ охоты къ службѣ. Въ прежнее время на корабль онъ смотрѣлъ какъ на свою вотчину: въ ней жить и умереть! Теперь расписаны по экипажамъ: въ одно лѣто достанется одному, въ другое другому. Какая-де нужда прилежать, содержать въ порядкѣ и исправности?...» Истину сей дѣльной бесѣды государь можетъ легко повѣрить, если онъ употребить людей ему и отечеству совершенно душою принадле-жащихъ. Гдѣ ихъ найти, онъ знаетъ: а я знаю только то, что ихъ не должно искать въ числѣ особъ, которыхъ все одобряютъ и всѣмъ восхищаются, которыхъ не хотятъ согласиться, что въ мірѣ (произведеніи самого Бога!) ничего нѣтъ совершенного, и что солнце имѣть свои пятна; которыхъ, пресыщаясь изобиліемъ и честыми, называются въ публикѣ друзьями, а въ кабинетѣ вѣрными слугами государя, но... не отваживаются никогда, не говорю уже благосостоянія своего и жизни (какъ нашъ братъ), но ниже одного ласковаго взора монаршаго за правду.

Въ 1815 году вручая маркизу де-Траверсе письмо одного вельможи и бывъ приведенъ въ замѣшательство учтивостями его высокопревосходительства, послѣдовавшими отъ одного взгляда на печать, я понялъ тайну прочности его высокопревосходи-тельства. Увы, графъ! вы ее не переймете: и я почти сожалѣлъ бы о васъ, еслибы почиталъ васъ меныше.

Вѣроятно-ли? въ самыхъ глазахъ друзей сихъ, многія ты-сячи народа, запроданныя какъ рабочій скотъ подрядчикамъ, вонють въ небу; и вспоминая своихъ несчастныхъ женъ и дѣ-тей, оставленныхъ за семьюсотъ и болѣе верстъ на скучныхъ нивахъ, въ одиночествѣ, со слезами безславяты имя государя — (тогда, когда онъ ни о чёмъ столько не заботится, какъ о до-ставленіи имъ благосостоянія и свободы!) и они сего не доне-суть ему! не обратять ниже единымъ словомъ вниманія его человѣколюбиваго сердца на такой предметъ!... не избавлять его отъ неправедныхъ укоризнъ народа, его обожать рожденаго!.. И эти люди смѣютъ себя называть друзьями царя, лучшими сынами отечества, въ нынѣшнее просвѣщенное время *!).

*.) Помѣщики Витебской губерніи графъ Борхъ, Платеръ, Шадурскій, Ми-хельсонъ и Шишкінъ, Могилевской графъ Соллогубъ, князь Любомирскій, Кроіеръ (картечникъ и любимецъ графа М.) отдаютъ своихъ крестьянъ под-

Простите меня, почтеннѣйшій графъ, за сей эпизодъ въ повѣствованіи о морскомъ министерствѣ. Случилось, что еврей, старикъ Браунштейнъ, которому я поручилъ выправиться о именахъ помѣщиковъ вышеупомянутыхъ страдальцовъ *) принесъ ко мнѣ записку въ самое то время, когда я началъ предпослѣднюю страницу.

Если таковъ Кронштадтской портъ, на который ежедневно могутъ быть обращены взоры государя, то что уже Ревельской и Черноморскіе?.. Одинъ не давно прибывшій сюда членъ Переокопской соляной конторы рассказывалъ объ Ахтиарскомъ, что онъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Ни мало не удивляюсь, что злодѣямъ, каковъ Кабрановъ приходитъ на мысль адресоваться къ турецкому министерству съ предложениями предать сіи порты...

У меня не достало бы вѣроятно ни бумаги, ни силъ, еслибы я долженъ былъ писать о злоупотребленіяхъ по сей части. Милліоны расхищаются безъ малѣйшей пользы для государства! Но я обращаю только вниманіе на крайнее небреженіе, ибо оно мнѣ кажется въ связи съ систематическимъ дѣйствиемъ во вредъ Россіи. Тысячу разъ я представлялъ себѣ россійское правительство огромнымъ и чудесною силою одареннымъ исполномъ, который, вмѣсто устроенія себѣ покойного жилища, истощается на бесполезное перекладываніе камней съ мѣста на мѣсто безъ всякаго отдыху. Но здѣсь я вижу сего исполина усыпляемаго враждебными чародѣями у подошвы сооруженныхъ имъ громадъ, готовыхъ уже на него обрушиться.

Сказавъ сокращенно все, что я сказать хотѣлъ о семъ предметѣ, и видя почти двѣ страницы еще порожними, я осмысливаюсь ихъ наполнить выпискою, весьма мало украшенною, изъ замѣчанія, которое я получилъ отъ одного моего пріятеля **) по ридчикамъ на цѣлое лѣто, т.-е. отъ 10 мая по 10 октября въ работу на дорогахъ въ здѣшней губерніи, получая по 110 р. за человѣка: кормить ихъ должны подрядчики чѣмъ заблагоразсудить, а поконить подъ открытымъ небомъ!

В. Е.

*) Самое дѣло я зналъ уже съ 1819 года, но не зналъ именъ торгующихъ столъ благородно. Къ счастію, во внутреннихъ губерніяхъ сей торгъ еще не въ употребленіи.

В. Е.

**) Коллежскаго совѣтника Анастасевича, служащаго, или лучше сказать умирающаго отъ бездѣлъя, въ комиссіи законовъ: между тѣмъ какъ онъ по своимъ занятіямъ заслуживалъ бы употребленіе и соотвѣтствующее ему ободреніе въ самомъ дѣятельномъ департаментѣ.

В. Е.

38*

возвращеніи моемъ изъ Кронштата: что конечно не будетъ излишнимъ въ сей тетради.

«Любопытствующіе видѣть нашъ Кронштатъ осматриваются только то, что поражаетъ тамъ каждого представляющаго себѣ, какъ пустой Котлинъ островъ за сто лѣтъ предъ симъ, мановенiemъ волшебнаго жезла Петрова, вдругъ преобразился въ грознаго приморскаго стражи новой его столицы. Но всякъ-ли (подобно вамъ) сравнить притомъ хозяйственныя мѣры Петра на отраженіе силъ Карла XII изъ сего мѣста, съ издерживаниемъ теперь миллионовъ рублей и множества трудящихся рукъ на то только, чтобы всякой величины и формы суда гнили бесполезно въ семь портъ?.. Суда, построенные на показъ въ Петербургѣ и приведенные по прѣской водѣ съ чрезвычайными издержками, между тѣмъ, какъ давнымъ давно опытъ доказываетъ, что построенные въ Архангельскѣ корабли несравненно прочнѣе? Недоумѣваю, какая бы причина могла дѣлать необходимымъ, чтобы верфь была подъ окнами государя; чтобы знатная часть столицы была стѣснена домами и квартирами морскихъ служителей и мастеровыхъ, безъ которыхъ она легко можетъ обойтись не удѣляя имъ отъ своего продовольствія, получаемаго издали за болѣшія деньги, чтобы необходимые, безпрерывные ихъ перѣѣзды въ Кронштатъ и обратно, стоили множества лишняго расхода, чтобы самое положеніе адмиралтейства, наполненнаго горючими веществами, угрожало ежеминутно и великколѣпному жилищу монарховъ нашихъ, и драгоценнымъ собраниемъ, какъ въ семь дворцѣ, такъ и въ музеяхъ самаго адмиралтейства?.. Неужели одно желаніе подчivать жителей столицы зрѣлицемъ спуска кораблей?.. Сie адмиралтество, составляющее средоточіе города, могло бы дать мѣсто соединенію всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, заслуживающему гораздо болѣе, яко храмъ правды и устроенія блага всего отечества, быть безпосредственно предъ взорами монарха, который есть вмѣсть и верховный судія» *).

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Кто можетъ о сей истинѣ судить лучше того, кто производилъ слѣдствіе по злоупотребленіямъ по корабельнымъ лѣсамъ въ Архангельскѣ 1826 г.— въ Соломбаль можно умножить число верфей, и корабли изъ лиственницы обойдутся 40% дешевле и будуть лучше Петербургскихъ.

В. К.